

*Твою беду
руками разведу*

*русский любовный
роман*

Светлана Демидова

Светлана Демидова

Твою беду руками разведу

«Автор»

2007

Демидова С.

Твою беду руками разведу / С. Демидова — «Автор», 2007

ISBN 978-5-699-22184-4

Лера любила Андрея всем сердцем. Казалось бы, и ему лучшей женщины не найти. Однако вместо предложения руки и сердца она вдруг услышала от любимого совсем другие слова: извини, нам следует расстаться, я встретил другую... Жизнь потеряла смысл. К тому же после расставания с Андреем Лера поняла, что ждет от него ребенка... И вдруг случилось удивительное – совершенно посторонний мужчина предложил ей свою заботу. Но как же любовь? Или она действительно бывает только раз в жизни?..

ISBN 978-5-699-22184-4

© Демидова С., 2007

© Автор, 2007

Содержание

	5
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Светлана Демидова

Твою беду руками разведу

Непонятно, почему они все ее бросают. Кажется, не уродина... Более того, все говорят, что она, Лера Максимова, очень приятная женщина. Да что там! Когда она ходит по улицам, постоянно ловит на себе заинтересованные взгляды мужчин. Вот, например, сегодня в метро два молодых человека, гораздо моложе ее, пытались познакомиться. Она, конечно, знакомиться с ними отказалась, но в принципе... В общем, в нее постоянно кто-нибудь влюбляется, а потом почему-то... воротит нос на сторону... Да, она сразу прикипает к тому, с кем начинает роман, всей кожей. И что? Неужели мужчинам неприятно, когда женщина их самозабвенно любит? Именно самозабвенно. Лера так устроена и не может иначе. Интрижки, легкий флирт – это не для нее. Ей важно любить до дрожи в коленках, когда для дорогого человека... все... хоть на смерть...

Первый раз она выскочила замуж совсем девчонкой. Они с одноклассником Романом Максимовым еле дождались восемнадцатилетия, чтобы расписаться. Очень скоро оба – и Лера, и Роман – поняли, что поторопились. Совместная семейная жизнь несла в себе не только радость обладания друг другом на законном супружеском ложе, но также массу проблем и взаимных обязательств друг перед другом. Они оба хорошо учились в школе и с ходу поступили в институты, причем в разные. Развеселая студенческая жизнь закружила каждого из них в своем водовороте. Но если Лера не позволяла себе расслабляться, вовремя выныривала и спешила домой, поскольку у нее была семья, то Роман очень быстро перестал себя этим утруждать. Он запросто мог не прийти ночевать, ссылаясь на мальчишники по разным поводам, начиная от успешно сданного зачета и заканчивая очередным выигрышем или проигрышем «Зенита», ярым фанатом которого являлся.

Скоро Лера сообразила, что мальчишники – на самом деле не такие уж и мальчишники, так как от супруга довольно часто стало неприлично и банально разить дешевыми духами, которых Лера никогда не употребляла. Какое-то время она еще пыталась вернуть загулявшего Максимова в семейное лоно, поскольку считала брачный союз священным и неколебимым, потом отчаялась и даже сама подала на развод. Кстати сказать, Роман Максимов оказался первым, но не единственным мужчиной, от которого она ушла сама, однако эти уходы только формально были ее собственным решением. Тот же Роман на самом деле уже давно считал свою жену абсолютно пустым местом, ничего не имел против развода, очень обрадовался ему и тут же с головой бросился в новые романтические приключения. После этого пренеприятного в своей жизни события Лера обзавелась периодически возобновляющейся бессонницей и подозрительным отношением к молодым людям. Еще долго в каждом симпатичном парне ей виделся потенциальный ловелас, обманщик и предатель.

Снова пересмотреть свои взгляды на представителей противоположного пола Лере пришлось, когда на последнем курсе института к ним в группу перевелся высокий и буйноволосый Саша Прокопенко. Девушки Лериной группы тут же накрались ярче обыкновенного и даже с более высокими показателями сдали следующий по очереди экзамен, чтобы Саша имел возможность убедиться в их недюжинном интеллектуальном потенциале. Прокопенко выбрал Леру, которую старший преподаватель Барыкин завалил на зачете в назидание – студентка Максимова неверно реагировала на его томные взгляды и самые откровенные предложения все два года, пока он вел свой предмет, а потому, по мнению Барыкина, должна была наконец поплатиться за это. После зачета Лера горько рыдала по поводу обрушившейся на нее вопи-

ющей несправедливости, забравшись на подоконник окна в самом конце институтского коридора, закрытая от прочих счастливых студентов стендом, на котором вывешивали всяческие объявления, а также списки отчисленных. Если бы Лера посмотрела на количество фамилий в тех списках, то убедилась бы, что ее жизнь вовсе не так черна, как ей показалось после барыкинской подлости.

Саша Прокопенко сумел не только отыскать Леру за стендом со списками, но и принес ей на подоконник булочку с маком и пакетик ананасового сока из студенческой столовки, подождал, пока она все это уничтожит, а после пригласил забыть о вопиющей несправедливости путем катания по Неве на речном трамвайчике. Лера бурно отказалась. Прокопенко настаивал на своем приглашении, особо напоирая на то, что трамвайчики ходят последние дни ввиду окончания сезона и стоит поторопиться, чтобы успеть. Лера в ответ на его доводы утверждала, что этот трамвайный сезон в Питере далеко не последний и что в начале следующего сезона кататься будет куда приятнее, поскольку он начнется весной. Но Саша ее уговорил. Лера и сама не могла потом понять, на чем все-таки сломалась. Она очнулась на верхней открытой палубе речного трамвайчика, по которой гулял холодный осенний ветер и даже гонял по ней невесть как залетевшие желтые листья. Кроме них в нижнем салоне трамвайчика, закрытом пластиковыми окнами, жались друг к другу еще несколько любителей конца сезонной езды по рекам и каналам Северной Пальмиры.

На верхней палубе Лера с Сашей были одни. Ветер задувал с такой силой, что молодой человек, организовавший девушке столь сомнительное развлечение, вынужден был распахнуть свою куртку, чтобы помимо собственной персоны постараться спрятать в ее недра еще и мгновенно замерзшую Леру. Она была до того худенькой, что самым замечательным образом поместилась рядом с ним в его куртке. Такое тесное соседство в довольно маленьком объеме привело к тому, что Саша вынужден был тыкаться носом в щеку девушки, когда хотел что-нибудь сказать. А говорил он довольно много, чтобы тыкаться как можно чаще. В конце концов Лера почувствовала, что очередной тычок произошел уже не носом, а горячими Сашиними губами, и сделала вид, что не заметила этого. Он поцеловал ее еще раз более длительно, потом еще и еще, а потом они уже запойно целовались на холодном ветру под сопровождение несущегося из динамика монотонного рассказа экскурсовода о каналах и мостах, под которыми проезжали.

Они сразу стали жить вместе в крошечной комнате, которую Саша снимал в коммуналке на Суворовском проспекте. Обжегшись на Максимове, Лера старательно не помышляла о замужестве. Прокопенко, судя по всему, жениться тоже не торопился, а потому их друг в друге все устраивало. Правда, очень скоро Лера поняла, что внезапно вспыхнувшая на холодном осеннем ветру страсть начала в ней перерождаться в самую настоящую горячую любовь. Как только она позволила себе объявить об этом Саше, он заметно спал с лица. Похоже, любовь в его планы не входила. Лера убеждала себя, что это не страшно, что Саша просто еще не знает, как сильно и красиво она станет его любить, а когда поймет, насколько проявления ее любви прекрасны, не сможет не откликнуться. И Лера очертя голову бросилась свою любовь проявлять. Но чем радостнее она встречала его вечерами с работы, чем нежнее обнимала, чем прилежнее готовила еду, чем красивее сервировала стол и чем чаще преподносила трогательные сюрпризы, тем мрачнее становился Прокопенко. Судя по всему, его устраивал тот несколько божественный образ жизни, который они с Лерой вели поначалу. Ему нравилось, когда по вечерам у них тусовались гости, когда рекой лилось дешевое вино, а в клубах сизого сигаретного дыма его приятели целовались со случайными девчонками. Лера сначала отвадила случайных девчонок, потом запретила курить в комнате и выставила приятелям Саши ультиматум, потребовав прекратить отсыпаться у них с перепоя.

– Ты не имеешь права командовать моими друзьями! – резко сказал ей Саша, когда следующая же вечеринка прошла сдержаннее, чем всегда, и была свернута быстрее обыкновенного.

– Мне казалось, что друзья у нас с тобой общие, – ответила ему чистую правду Лера, поскольку почти со всеми тусовщиками они вместе учились в институте.

– И тем не менее нечего руководить тем, когда им приходится и что делать... на моей жилплощади.

– Но, Саша, жилплощадь у нас ведь тоже общая...

– Тебя никто не заставляет тут жить, раз уж так не нравится!

Лера с удивлением посмотрела на своего возлюбленного. Его лицо дышало такой лютой неприязнью, что она вынуждена была спросить:

– Ты что, разлюбил меня, Саша?

– Почему сразу разлюбил? – крикнул он и пнул ногой стул, который услужливо опрокинулся на пол. – Просто мне не нравится, когда мое мнение в моем собственном доме уже не играет никакой роли!

– Конечно же, оно играет, Саша! Не преувеличивай, пожалуйста!

Она бросилась к нему с поцелуями, которые он сначала никак не хотел принимать, а потом все же сдался, принял, и они провели вдвоем упоительный вечер. Последний. Последний упоительный.

Их отношения накалялись все больше и больше. Чем больше Лера старалась угодить Прокопенко, тем раздражительней он становился. Однажды ею был обнаружен в помойном ведре брелок в виде забавной собачонки, который Лера недавно подарила Саше. Пришлось сделать вид, что она не видела этого. Но, когда он разбросал по комнате стопку только что выглаженного белья, еще пахнущего утюгом, Лера потребовала объяснений.

– Объяснений хочешь? – крикнул он. – Да пожалуйста! Сама напросилась! Я не могу больше так жить, ясно?

– Как? – очень спокойно спросила Лера.

– А так! Как престарелая супружеская пара: когда все вдвоем, вдвоем, когда тарелочки, вилочки... бантики какие-то... стопочки стираного бельишка...

– Чем тебе не угодило стираное бельишко? – спросила она, хотя уже все поняла.

– А всем! Я еще молодой и хочу пожить свободной жизнью! Захотел – постирал, а не захотел – надел грязное. Захотел – погладил, а захотел – нарочно смял. Захотел – на тарелке поел, а заленился – так и на газетке сойдет. И чтобы никто мне не указывал, что делать и как принимать друзей! Хотят приводить сюда своих девок – пусть приводят. Хотят спать на моем диване и курить в постели – на здоровье. Здесь я команду парадом! Ясно?

– Ясно, – все так же спокойно ответила Лера и вытащила из шкафа свою дорожную сумку, в которой перевезла к нему свой нехитрый гардероб.

– И что же тебе ясно? – настороженно спросил он.

Лера уловила в его голосе надежду на то, что прямо сейчас все его неприятности и кончатся. И решила его не разочаровывать. Она не стала отвечать на его вопрос, молча сложила в сумку свои вещи и пошла в коридор.

– То есть ты уходишь? – выкрикнул Прокопенко, выскочив за ней из комнаты и намеренно напирая на слово «ты».

Лера опять его не разочаровала, спасла его от необходимости отказывать ей от дома. Она напоследок ему улыбнулась и сказала:

– Да, Саша. Я уйду. Сама. Прощай. Ешь на газетке и кури в постели!

Он ее не остановил. Плакать Лера начала дома, когда уже объявила родителям, что снова будет жить с ними, когда разложила по шкафам вещи и заперлась в своей комнате на задвижку. Она плакала и пыталась понять, что сделала не так. Выходило, что все так. Просто она Сашу полюбила, а он ее нет. Он согласен был с ней жить, как с сожительницей, как с партнершей по сексу, но тесные семейные отношения его не устраивали.

После второй своей неудачи Лера сначала вообще зареклась иметь дело с мужчинами. Потом сделала себе поблажку. Дело с ними иметь можно, если захочется, но не влюбляться до одурения или хотя бы не демонстрировать им высокую степень своего чувства. Как решила, так и сделала. Когда к ней очередной раз «подлетел на вороних» интересный мужчина, а именно новый начальник соседнего отдела (Лера уже закончила институт и начала работать), она все-таки стала с ним встречаться. А через пару месяцев Дмитрий Сергеевич даже переехал к ней в однокомнатную квартиру, которую своей единственной дочери помогли купить родители.

Но, как ни старалась Лера держать себя в узде, в самом скором времени она все-таки влюбилась в Диму по уши, как ранее в Романа Максимова, а потом в Сашу Прокопенко. Осознав, что процесс опять пошел независимо от ее воли и желания, Лера постаралась не демонстрировать Диме свою пламенную любовь, но тот каким-то непостижимым образом о ней все равно догадался.

– Лера! Только без экзальтации! – не раз говаривал ей Дима, когда она целовала его, приехавшего, скажем, из командировки.

Лере казалось, что никакой экзальтации с ее стороны не было и в помине, но ему со стороны, наверное, было виднее. В общем, все опять покатило по накатанной схеме: Лера любила, а Дмитрий Сергеевич снисходительно принимал ее любовь. Иногда он поощрял ее дорогими подарками, но чаще был недоволен восторженными проявлениями ее чувства. Однажды Дима заявил, что устал от ее собачьей преданности, что такой внешне интересной особе, как Лера, негоже, как он выразился, продавать себя за рубль двадцать, и что им надо некоторое время пожить раздельно, чтобы все осознать, взвесить, а после произведения названных несложных операций принять единственно правильное решение. Лера моментально догадалась, что «некоторое время» – это навсегда, и тут же приняла единственно правильное решение: постараться забыть Диму как можно скорее. Разумеется, «как можно скорее» – не удалось, тем более что они с ним постоянно встречались на работе, а через некоторое (довольно непродолжительное) время Дима стал ходить по общим коридорам еще и под ручку с юной и очаровательной Любочкой из планового отдела.

Лера долго плакала в подушку и размышляла о собственной ущербности. Ну почему она такая? Зачем ей непременно надо втрескиваться в своих мужчин до мокрых подмышек? Почему нельзя жить спокойно? И неужели ей, Лере, все равно, кого так горячо обожать: Рому Максимова, Прокопенко или Дмитрия Сергеевича? Выходит, она такая вот примитивная самка – кто к ней ни подвалит, в того она и влюбится? А ведь у других-то женщин все получается! Уже почти все ее подруги замужем, у многих – дети, а она никак не может устроить свою судьбу...

– Ты, Лерка, не тех выбираешь, – сказала ей умудренная опытом подруга Наташка, которая за время Лериных мытарств и терзаний уже успела выскочить замуж в третий раз и завести второго ребенка.

– Ой! Уж кто бы молчал, Наташка, так это ты! – отмахнулась от нее Лера. – Сама ни с кем ужиться не можешь, а туда же: меня поучаешь.

– Так это ж я от своих мужиков отказываюсь, а не они от меня! Понимать же надо разницу! Я тебе говорю: не надо ждать милостей от природы, надо брать их самой голыми руками.

– Милости?

– Да не милости, а мужиков! Не надо ждать, пока кто-нибудь на тебя обратит внимание. Выбери сама подходящего мужичка и начни на него атаку.

– Нет, Наташка, я так не умею, – покачала головой Лера.

– Сумеешь, коли припрет... А тебя, по-моему, давно приперло. И выбирать надо не таких красавчиков, как все твои Ромочки с Димочками, а нормальных и надежных, чтобы не ты их облизывала, а они тебя.

– Ну и где же ты мне посоветуешь таких искать?

– Не в нашем отделе, это уж точно! И не в Эрмитаже с Русским музеем! Не поленись – сходи на производство. Там на станках такие отличные ребята работают: нипочем от себя потом не отдерешь. Ноги тебе мыть будут и воду пить!

– И о чем же я, Наташка, с ними говорить буду? О фрезерных и сверлильных станках?

– Ну и поговоришь – не развалишься. Инженер ты или кто?

– Мне же неинтересно о станках!

– А совместная счастливая жизнь, милая моя, в том и заключается, чтобы говорить с мужем, например, о прелестях подледного лова рыбы, хотя на самом деле очень хочется переломить его чертовы удочки об колено.

– И ты, что ж, говоришь о подледном лове? – удивилась Лера.

– Представь себе, – довольно грустно ответила ей Наташка.

После разговора с подругой Лера надолго задумалась. Нет, она не Наташка. У нее такой вариант не пройдет. Ее мужчины не ловили рыбу зимой из-под льда, но она всегда старалась жить их интересами. Однако ничего хорошего из ее растворения в их интересах не вышло, их это только раздражало. Не права Наташка. Имеется какой-то другой секрет счастливой совместной жизни с мужчиной. Видно, и подруга о нем не догадывается, иначе не разводилась бы как ненормальная.

На ловлю подходящих мужчин не из-под льда, а от фрезерно-сверлильных станков Лера так и не пошла. Не потому, что уж вовсе не надеялась кого-то достойного там отловить, а потому, что совершенно неожиданно опять сама попалась в сети. Поскольку вариант с сокрытием собственных чувств был уже пройден, Лера решила им, то есть сокрытием, больше не утруждаться, а наоборот, отпустила себя на волю. Она будет любить и вести себя так, как ей подсказывает сердце. А если этот человек тоже от нее откажется, значит, судьба у нее, Леры, такая. Надо принимать ее подарки с радостью, а удары – со стойкостью и гордо поднятой головой.

Исходя из принятого решения и подчиняясь только велению собственного сердца, Лера влюбилась в Андрея Шаповалова (очередной раз до умопомрачения) и не стала от него ничего скрывать. Ей даже казалось, что слово «влюбилась» несколько неточно обозначает ее чувства к нему. Она полюбила. Да, смертельно! Ей хотелось верить, что и он ее любит с той же силой. Лера собиралась за него замуж. Андрей, правда, руку и сердце ей не предлагал, но она очень надеялась, что предложит... не сегодня завтра. И вот тебе на... Он не звонил несколько дней, хотя обещал позвонить еще в прошлый понедельник. На дворе был уже четверг, а телефон вызывающе молчал. Лера не выдержала и позвонила Шаповалову сама. Андрей покряхтел в трубку, как дряхлый дед, и сказал:

– Прости, что так получилось, но я полюбил другую женщину...

Лера хотела уточнить, насколько сильно он полюбил и что это за женщина, но Андрей уже положил трубку. Она снова набрала его номер, но он больше трубку не снял. До чего же все-таки отвратительная штука – АОН... Лера позвонила на мобильник, но Шаповалов, видимо, предусмотрительно выключил и его.

Конечно, Лера уже заметила, что начала иногда раздражать Андрея. А если честно, то не иногда, а довольно часто. Более того, его раздражение давно перестало быть стабильным. Оно, как и в предыдущих случаях, стало расти прямо пропорционально силе проявления любви с ее стороны. Андрей в отличие от других мужчин Леры подобрал ей прозвище – называл ее Душечкой. Эта чеховская героиня была ему ненавистна, будто являлась воплощением женского зла. «Мы с Ванечкой... мы с Васечкой...» – раздраженно цедил сквозь зубы Андрей, когда Лера сообщала по телефону Наташке, что они с Андрюшей непременно будут на ее дне рождения.

– А что, мне надо было сказать, что я приеду одна? – допытывалась у него Лера.

Андрей кривился и зло отвечал:

– Ну почему непременно надо произносить: «Мы с Андрюшей...»? Неужели нельзя просто сказать: «Мы придем» – и все? Местоимение «мы» говорит само за себя!

– Тебе неприятно собственное имя?

– Мне неприятно, что ты квохчешь над моим именем, как курица! И вообще, меня злит, когда ты твердишь прописные истины, вроде того, что «Волга впадает в Каспийское море, а лошади кушают овес и сено»!

– Андрей, тебе надо поменьше читать Чехова.

– Да этот Чехов у меня вот где! – отвечал он и резко проводил ребром ладони по шее.

Теперь Андрей Шаповалов полюбил другую. Видимо, как Дима, молоденькую и хорошенькую, вроде Любочки из планового отдела. Интересно, с героиней какого классика он сравнивает свою новую возлюбленную? А может быть, ему нравятся не столько молоденькие, сколько демонические женщины... роковые... независимые и раскрепощенные... Эти женщины в ответ на приглашение наверняка говорят подруге: «Приду и, может быть, захвачу с собой кое-кого...» В общем, не «Мы с Ванечкой... мы с Васечкой...», а я кое с кем.

На следующий же день Лера увидела Андрея на Невском проспекте с его новой женщиной. Они молча шли под руку, будто семейная пара на заслуженном отдыхе, будто бы уже давным-давно наговорились на сто лет вперед. Женщина была не слишком юной. Лет тридцати. В ней не было ничего inferнально-рокового: очень светлая блондинка с незапоминающимся, невыразительным лицом в сером пальто колокольчиком. Лера еле донесла свои слезы до дома. Они полились из глаз неудержимым потоком, стоило ей только выйти из лифта и зафиксировать взглядом пустую лестничную площадку. Когда никто не видит, плакать можно. Особенно сладко плакать в пустой квартире, где никто не беспокоит. Где пусто. Где остались Андреева зубная щетка, его же разношенные шлепанцы-вьетнамки и куча газет на журнальном столике.

И чем же эта женщина лучше ее, Леры? Шаповалов на деле оказался любителем блондинок? Конечно, Лерины волосы по сравнению с кудрями той женщины слишком темные, но зато длиннее и явно более густы. Да и пальто... Лера никогда не надела бы такое ужасное пальто вне всякой моды. Она, Лера, сейчас, поздней осенью, носит стильную замшевую курточку, отороченную черным каракулем, и такую же шапочку, выполненную в форме колониального шлема. И губы она красит не блекло-розовой помадой, а ярко-красной, что здорово смотрится на фоне черного меха.

Стоило Лере подумать о красном на фоне черного, как сердце у нее дрогнуло и из глаз с новой силой полились слезы. Она вдруг поняла, что Андрей действительно полюбил ту женщину, а в нее, Леру, был всего лишь влюблен. То есть не столько даже в саму Леру, сколько в ее яркость и стильность. А вот блеклогубую блондинку он полюбил. Похоже, его абсолютно не заботит, что ее пальто давно вышло из моды, а на голове – нечто вроде перманента, подобного тому, который до сих пор регулярно делает себе Лерина мама. Вполне возможно, что новая женщина тоже говорит: «Мы с Андрюшей...», но это его нисколько не раздражает, а наоборот, приятно. Может быть, он и сам теперь говорит: «Мы с Таней...» Или с Олей... Или с Людмилой... Интересно, как ее зовут? Хорошо бы Феодулией или Пистимеей...

На носу были выходные, которые Лера впервые за полтора года должна была провести без Андрея. Два дня полного одиночества настолько пугали ее, что в пятницу после работы она зашла в театральную кассу и взяла билет на первый же попавшийся спектакль. Лера тут же у кассы забыла его название, потому что важным был не сам спектакль, а возможность провести субботний вечер в большом коллективе.

Утром Лера поднялась с постели как могла позднее, вяло позавтракала и занялась собой. Она собиралась в театр так, как стоило бы собираться на бал, от успеха на котором зависела бы вся оставшаяся жизнь. Для начала она довольно долго расслаблялась в ванне, добавив в

воду душистое лавандовое масло, потом сделала питательную маску на лицо и декольте, хотя вовсе не собиралась открывать плечи и сильно обнажать грудь. Затем маникюр был сделан, а также и педикюр. Так... заодно...

Когда лак высох, Лера решила, что пришла пора пообедать. Есть ей совершенно не хотелось, но обедом можно было убить еще около часа, если не торопиться и делать на каждый кусок не меньше двадцати жевательных движений. С трудом влив в себя тарелку куриного супчика, в котором особенно нечего было жевать, Лера поняла, что часа за едой не протянет. Убрав обратно в холодильник масло и сыр, к которым так и не смогла притронуться, она принялась за прическу. Для театра подходил парадный вариант, и Лера завила длинные густые волосы в крутые крупные кольца. После этого пора было переходить к лицу, и она перешла. На веки положила серебристые перламутровые тени, на нижние – темно-серые, растушеванные так, будто ресницы отбрасывают густую тень. На кожу – бежевый тон, на скулы – чуть-чуть румян в тон винно-красным блестящим губам, на которые Лера всегда делала главный акцент.

Теперь украшения. К серебристым теням и перламутру маникюра – только серебро. В качестве контраста к круто завитым кудрям – гладкие удлиненные пластинки серег. Такой же перстень, с длинной гладкой серебряной пластинкой, в углу которой сверкает крохотный фианитик, граненный под бриллиант. На запястья – три серебряных браслета: два на правую руку и один на левую.

Ничего, кроме черных брюк, Лера не носила, а потому главным в ее одежде всегда был верх. В театр она решила надеть маленькую узкую и тоже черную блузочку, обтягивающую ее, как корсет. Сверху она задрапируется черно-красным палантином, заколов его у плеча серебряной заколкой, составляющей с серьгами и перстнем единый гарнитур. Дополняют образ сапоги на высоченной шпильке и узкая сумочка-ридикюль на длинном тонком ремешке.

Лера уже была абсолютно готова на выход, а до спектакля оставалось еще целых два с половиной часа. Можно, правда, идти нога за ногу, посетить по пути пару торговых точек с одеждой и парфюмерией, потом поторчать на остановке возле киоска с яркими журналами, пропустив несколько троллейбусов, которые идут к метро... Да, пожалуй, она так и сделает. Не нервничать же дома!

Лера надела свою замшевую курточку, вместо каракулевого шлема накинула на голову черно-красный палантин, которым в театре красиво задрапирует плечи, и вышла из дома. Она, как и планировала, зашла в магазин модной одежды и даже присмотрела себе джемперок, который можно будет купить с получки. В парфюмерном магазине купила тюбик ярко-красной помады, поскольку старая была уже ополовинена. На троллейбусной остановке Лера с пристрастием осмотрела обложки всех глянцевого журналов, выставленных в витринах киоска периодической печати, очередной раз подивилась идиотизму рекламных слоганов и действительно пропустила несколько троллейбусов. И все же, как ни старалась, появилась в Александринке аж за сорок минут до начала спектакля. Так и не удосужившись узнать название спектакля, Лера, которая наконец по-настоящему проголодалась, сразу прошла в буфет, где заказала себе три бутерброда с красной рыбой, пирожное и два кофе. Еды как раз на сорок минут, если откусывать маленькими кусочками, просчитывать жевательные движения и при этом еще разглядывать зал кафе и его посетителей.

Когда один бутерброд был съеден, напротив Леры, даже не спросив ее разрешения, плюхнулся молодой мужчина в спортивной куртке, которая абсолютно не вязалась с интерьером только что отремонтированной Александринки и с изысканным прикидом соседки по столику. Он громко шмякнул о столешницу бутылкой с пивом и пустым стаканом с толстым дном. Взглядом, пустым, как этот стакан, он окинул Леру, потом налил себе густо пенящийся напиток и залпом выпил его. Второй стакан он опустошил еще быстрее, чем первый. Лера с удивлением смотрела на дергающийся кадык мужчины. По ее мнению, так жадно пить можно только после утомительного многодневного перехода по пустынным барханам.

Мужчина выдохнул так шумно, что горьковато-кисловатый пивной дух долетел до Лериных ноздрей. Они брезгливо дернулись, но мужчина не смотрел даже на внушительных размеров копну глянцевых кудрей на Лериной голове. Что ему были ее тонкие ноздри... Он вылил в стакан остатки пива, так же громко их проглотил и сделал знак официантке. К столику тут же подскочила хорошенькая девчушка в черном форменном платье, с белой кружевной короной на голове и в очаровательном передничке.

– Еще два пива, – буркнул мужчина.

– Закусывать будете? – мелодичным голосом спросила девчушка в коронке.

– А если не буду, то что? Пива не принесешь, что ли?

Вышколенная официантка в ответ на его грубость не повела даже бровью.

– Обязательно принесу, – с обворожительной улыбкой сказала она. – Я просто хотела вам предложить соленых фисташек или колечки сушеного кальмара.

– Да? – растерялся мужчина, которому не удалось поскандальить, хотя явно очень хотелось. – Ладно, тащи кальмара. Колечки какие-то... Вот ведь изгаляются...

Лера хотела было демонстративно пересест от грубияна и алкаша, но поняла, что сразу прихватить все тарелочки и чашечки не удастся, и осталась на месте. Когда она принялась за пирожное, ее сосед по столику вдруг замер с пивным стаканом у рта, расширившимися глазами уставившись ей за спину. Лера невольно оглянулась и тут же резко вернула голову в исходное положение. В дверь театрального кафе вошел Андрей, ведя под локоток свою бледногубую блондинку в ужасном трикотажном платье цвета больной бирюзы и все с тем же ужасающим перманентом на голове.

Лера с трудом проглотила кусок пирожного. Этого только не хватало! Ну почему ей так не везет? Хотела развеяться, забыть об Андрее хотя бы на пару часов, пока идет спектакль, и вот что получилось... Ни в коем случае нельзя попадаться ему на глаза. Шаповалов может подумать, что она специально его преследует. Придется тянуть остатки кофе с маленьким кусочком пирожного до тех пор, пока парочка не покинет кафе. Сделать, что ли, еще заказ? Нет, пожалуй, в нее больше не влезет ни бутербродов, ни пирожных... А вдруг у них еще и в зрительном зале места рядом окажутся? Нет! Только не это! Видимо, придется досидеть в кафе до последнего посетителя, а потом по-тихому уйти домой.

– Вы не могли бы слегка сдвинуться? – обратился к ней сосед по столику и даже показал рукой, в какую сторону ей надо сдвигаться.

Лера чуть подалась вправо на сиденье собственного стула.

– Нет... еще... Еще! – нетерпеливо потребовал сосед, все так же напряженно глядя ей за спину.

– С какой стати я должна куда-то двигаться? – возмутилась Лера. – Мы все-таки в кафе, а не... – Она никак не могла придумать, в каком месте был бы смысл двигаться, а потому оставила фразу неоконченной.

– Ну-у-у... Что вам стоит? – просительно сказал мужчина, но так и не поглядел ей в лицо.

Удивленная Лера пожалала плечами и, пробормотав: «Вообще-то... ничего...» – еще немного сдвинулась уже вместе со стулом.

– О! В самый раз! – обрадовался любитель пива с колечками кальмаров и добавил: – Ишь разоделась!

– Это вы мне? – поперхнулась остатками кофе Лера. Она, конечно, действительно разоделась, но вовсе не для того, чтобы какие-то алкоголики в спортивных куртках делали ей сомнительные комплименты.

– Нет, простите... Конечно же, не вам, – скривился алкоголик и наконец посмотрел ей в глаза. – Это я о собственной жене!

– А-а-а... – протянула почему-то сразу успокоившаяся Лера и спросила: – Вы вместе пришли?

Ей очень хотелось, чтобы алкоголик ответил утвердительно, и тогда она вежливо попросила бы его убраться к жене.

– Вместе? – переспросил мужчина и злобно расхохотался. – Как бы не так! Вместе! Ха-ха! Она пришла со своим любовником! Представляете? А я выследил! Да! И сейчас... вот допью пиво... и пойду бить ему морду... гнусную, наглую и... наверняка страшно лживую...

– Может быть, здесь не стоит? – испугалась Лера. – Все-таки театр... место святое... Может, лучше после, а?

– Ага, после... Как же! А весь спектакль я сиди и смотри, как этот мерзавец держит мою жену за ручку... Так, по-вашему, да?

– А вы не смотрите. Посидите тут... пива попейте... или погуляйте, пока спектакль не закончится...

– Так как же я могу тут сидеть, если они уселись прямо напротив. Во-он! Полюбуйтесь! Она еще и платье новое напялила! Никогда такого, синего, у нее не видел. Для своего хмыря расфуфырилась! Да вы поглядите, поглядите... Не пожалеете...

Лера вынуждена была опять оглянуться. Позади нее за столиками не было ни одной дамы в синем платье, если не считать Андреевой спутницы в трикотажной бирюзе. Лерино лицо болезненно исказилось.

– Ага! Вам тоже не нравится! – очень обрадовался ее гримасе сосед и даже громко хрюстнул себя рукой по колену.

– Это вы про женщину... в голубом? – спросила Лера.

– В голубом? А-а-а... Ну да. Голубое – синее... Один черт!

Сосед жадно выпил очередной стакан и выразительно стукнул им о столик. Лера закусила губу, чтобы не разрыдаться. Мужчине очень понравилось, что она ему так выразительно сочувствует.

– Вот ведь даже вы понимаете, что нельзя при живом муже шляться повсюду с любовниками! Вот ведь у вас же нет любовника при живом муже!

Лера, которой все еще очень хотелось плакать, невольно улыбнулась, нервно намотала на палец слегка развившуюся прядку волос и горько сказала:

– Честно говоря, у меня и мужа-то нет.

– Да? – очень удивился мужчина и наконец посмотрел на нее с интересом. Потом еще раз взглянул на столик, где сидели его жена с Шаповаловым, затем снова на Леру и сказал: – Ну... конечно... вы не так эффектны, как Лилечка... но... – Он покрутил обеими руками возле своей головы, изображая Лерины крутые кольца волос. – Вы тоже ничего.

– А ему не нравится, – неожиданно для себя сказала Лера и кивнула в сторону столика с бирюзовой блондинкой.

– Кому? – спросил сосед и с сожалением осмотрел по очереди пустой стакан и две уже порожние бутылки.

Лера резко выдохнула и ответила:

– А этому... который с вашей... кажется... Лилечкой...

– То есть? – изумился мужчина и даже как будто слегка протрезвел.

– То есть с вашей женой сидит мой бывший... мужчина... Можете себе такое представить?

Сосед очень пристально оглядел Лерины закрученные в кольца волосы и не очень твердо проговорил:

– То есть вы и он...

– Да-да, – кивнула Лера. – Я как раз собиралась за него замуж, а тут раз – и ваша Лилечка откуда-то вынырнула. Ну вот чем она лучше меня? Ничем, ведь правда?

– Ну-у-у... не скажите... Лилечка – она... Ого-го! Она сто очков вам вперед даст! – уверенно сказал мужчина и вжикнул «молнией» своей спортивной куртки. От выпитого ему, очевидно, стало жарко. Под курткой у него оказалась надета смешная полосатая футболка.

– Интересно, почему? – обиделась Лера.

– Ну... Вот у вас даже платья для театра нормального не нашлось, прикрылись какой-то, извините, тряпицей... А у Лилечки... все при всем... И причесочка... такая аккуратненькая... такая гладенькая... не то что... – И он опять выразительно покрутил руками возле своей головы.

– Да вы... вы... Вы же ничего не понимаете! – захлебнулась возмущением Лера и уже с настоящим испугом ощупала тугие кольца своих волос. Поскольку они были в порядке, она перешла к решительной атаке: – Да вы... Вы только посмотрите на себя! Ваша... футболка вообще не выдержит никаких комментариев! К тому же... вы ужасающе пьяны! Вот!!!

– Я, конечно, пьян, – согласился сосед, – но не ужасающе. То есть не настолько, чтобы не заметить Лилечкиного преимущества... извините... перед вами...

– Преимущества?!

– А что вы так возмущаетесь? – удивился мужчина. – Я предложил бы вам смело посмотреть правде в глаза.

– Какой еще правде?

– Ну как же? Согласитесь, этот... извините... хмырь... он же не просто так вас бросил, а ради моей Лилечки!

Лера не нашлась что ответить. Она залпом выпила остатки кофе – таким же остервенелым глотательным движением, каким только что пил пиво ее сосед по столику театрального кафе.

– Слушайте! А хотите, я дам в морду этой сволочи еще и от вашего имени? – неожиданно предложил тот.

– Нет-нет, что вы! – поспешила сказать Лера. Она любила Андрея. Никто не должен касаться его лица! Никакие оскорбленные мужья в полосатых футболках. Она во что бы то ни стало должна предотвратить драку. Лера с минуту подумала и выдала соседу: – Да и вообще, неужели вы не понимаете, что дракой дело не решить?

– Почему это не решить? По всему видно, что этот мужик с детства был маменькиным сынком, а потом – дамским любимчиком. Я его отделаю по первое число, и Лилечка увидит, кто здесь настоящий мужчина, а кто... манная каша на постном масле... и жалкий слизняк... в пиджаке...

– Я вам как женщина говорю, что вы ничего этим не добьетесь, потому что для вашей жены он будет выглядеть героем, которого звериной хитростью и грубой силой взял коварный и подлый враг, – еще раз попыталась убедить его Лера.

– Вы так думаете? – уже несколько неуверенно произнес «коварный и подлый враг».

– Я в этом не сомневаюсь!

– Ну... тогда вы, может быть, предложите другой вариант?

– В смысле?

– А в том смысле, что мы с вами оба пострадавшие и, по-моему, нам нужно объединиться в борьбе...

– В какой еще борьбе? – не поняла Лера.

– В борьбе против гнусных предателей, – пояснил мужчина.

На «гнусных предателях» прозвенел последний, третий звонок.

– Вы идете на спектакль? – спросила Лера, которой совершенно не хотелось идти в зал, но она должна была контролировать действия своего визави. Нельзя было допустить его встречи с Андреем.

– А ну его, этот спектакль! – к ее радости, махнул рукой брошенный муж. – Я даже не знаю, как он называется. Билет с рук купил. Я думаю, что нам с вами нужно поставить свой собственный спектакль.

Лера со страхом на него покосилась, но мужчина выглядел уже гораздо трезвее, чем был только что, то есть до третьего звонка.

– Не понимаю, о чем вы... – проговорила она и нервным движением заправила все ту же, уже порядком развившуюся, прядку за ухо.

– Сейчас объясню. Вас как зовут?

– Валерией. Лерой, в общем... А вас?

– А меня... еще хуже...

– Что значит «еще хуже»? – удивилась она.

– Вы меня простите, но имя у вас... уж-жасное... Ле-р-р-ра... Б-р-р-р... Как гвоздем по стеклу... То ли дело – Ли-леч-ка. Просто серебряный звон! Маслом по сердцу! – Он умильно улыбнулся, а потом пару раз с большим вкусом произнес два женских имени рядом: – Лера – Лиля... Лера – Лиля... Ведь разница, заметьте, всего в трех буквах, а каков эффект! Но мое имя, знаете ли, еще хуже, чем у вас. Мамочка постаралась... Понимаете, я – Рафаэль.

– Да ну? – невольно улыбнулась Лера.

– Вот именно. Все смеются... А моя маман в свое время «торчала» от фильма под названием «Пусть говорят». Не смотрели?

– Нет...

– Ну еще бы! Вас тогда еще даже в задумке не было. Да, собственно, и меня тоже. Так вот, в том фильме играл певец... кажется, испанский... Рафаэлем прозывался... А история была о несчастной любви. Мамочка моя говорила, что прорыдала весь фильм и поклялась назвать в честь певца своего сына, если таковой у нее родится. Я родился и нарвался... на Рафаэля. Ужасное имя, не правда ли?

– Пожалуй, нет... – не согласилась Лера. – Просто оно... необычное... экзотическое. И потом... Рафаэль – это несколько длинно и неудобно. А как вас зовут короче? Друзья, например?

– Кошмарно зовут. Раф... Граф... и даже Графин... Представляете? А мамочка зовет Рафиком, как автомобиль... или как лицо кавказской национальности...

– Господа! Вы разве не слышали звонков? – спросила их женщина с тряпкой в одной руке и двумя грязными стаканами в другой. – Спектакль уже начался! Вам что, надо отдельное приглашение?

– Знаете что, Лера, давайте прогуляемся, раз уж так получилось? – предложил Рафаэль, не обращая никакого внимания на тетку с тряпкой. – Погода, кажется, неплохая...

Лера охотно поднялась со стула, потому что общество женщины с грязными стаканами, которая не желала уходить от их столика, было ей неприятно, и ответила:

– Давайте, а то... тут как-то неуютно...

– Я буду ждать вас у выхода из театра, хорошо?

– Ждите, – согласилась Лера и отправилась в дамскую комнату, чтобы подкрасить «съеденные» губы и привести в порядок колечки волос, которые она нервно теребила в кафе.

– Значит, так... Перво-наперво надо определиться, что мы хотим получить в сухом остатке, – уже совершенно трезвым голосом заявил Рафаэль, когда Лера подошла к нему, стоящему у колонны на выходе из театра.

– Что вы имеете в виду? – с недоумением спросила она.

– Ну... вот вы... вы хотите, чтобы ваш... бывший... Кстати, как его зовут?

– Андрюш... то есть Андреем...

– Хотите ли вы, чтобы Андрей вернулся к вам обратно?

– Конечно, хочу, – отозвалась Лера и заколола палантин серебряной заколкой под подбородком. Погода действительно выдалась хорошей, сухой, но осень все-таки была поздней, а потому задувал довольно прохладный ветерок.

– И я хочу, чтобы моя законная жена Лилечка бросила этого вашего Андрея, – сказал Рафаэль и поднял воротник куртки, зябко передернув плечами. – Поэтому предлагаю заставить их ревновать.

– Как это? – не поняла Лера.

– Так это... Давайте сделаем вид, будто у нас с вами... роман...

– Роман?

– Ну да, роман! Не понимаю, почему вы так удивляетесь?

– Во-первых, ваше предложение несколько неожиданно, – ответила она, – а во-вторых, как они... ну... то есть... Андрей и ваша Лилечка... узнают, что у нас... ну, как вы говорите... роман?

– Надо постараться почаще попадаться им на глаза.

– И как вы себе это представляете?

– Что касается Лили, то все очень просто. Несмотря на ее новое увлечение, мы продолжим жить в одной квартире. Представляете? – печально изрек Рафаэль.

– Да ну! – ахнула Лера.

– Да, вот так. Разъехаться некуда, да я и не хочу... во всяком случае, пока... Мне все кажется, что она одумается... в общем, нагуляется и... поймет, что я ничем не хуже... что люблю ее... Ну... вы понимаете...

– Понимаю... конечно...

– А что, у вашего... ну бывшего... нет своей жилплощади?

– Нет, – покачала головой Лера. – То есть она у него, конечно, есть, но в квартире, где он прописан, живут еще родители и брат с женой и ребенком. Общежитие, в общем...

– Так это же хорошо! – обрадовался Рафаэль.

– Чего ж хорошего?

– А как же! Это ведь означает, что им совершенно негде... Ну, вы догадываетесь, о чем я?

– Вообще-то... догадываюсь, – ответила Лера, почувствовав, что краснеет, и порадовалась тому, что в сгустившейся темноте даже при свете фонарей это не будет сильно бросаться в глаза прохожим.

– Вот! А я стану лазутчиком в стане врага, поскольку могу организовать прослушивание нашего домашнего телефона. У нас два аппарата: один – в комнате, другой – в кухне. Мы будем знать о передвижениях наших... любовников и станем регулярно попадаться им на глаза.

– Ну... тогда они догадаются, что мы устраиваем им спектакль, – засомневалась Лера.

– Придется играть как можно правдивее, а потому предлагаю начать практиковаться прямо сейчас, – предложил Рафаэль.

– Как прямо сейчас? Зачем сейчас? Андрей с Лилей в театре, а потому нас не увидят!

– Надо выяснить, не противно ли нам будет, например, целоваться. Если противно, то мы завалим все дело, которое тогда уж лучше и не начинать!

– Не стану я с вами целоваться! – Лера выкрикнула это так громко, что пожилая пара, которая обогнала их с Рафаэлем на Невском проспекте, оглянулась. Мужчина и женщина сначала согласно посмотрели в глаза друг друга, а потом в унисон и очень осуждающе покачали головами.

– Ну, Лера! Это же вынужденная мера! – горячо воскликнул Рафаэль. – Не думаете же вы, что я мечтаю с вами целоваться? Я уже говорил, что вы совершенно не в моем вкусе!

– Вы, знаете ли, тоже не в моем, – буркнула она.

– Так вот и надо проверить, сможем ли мы поцеловаться, когда придет в том нужда.

– Нет, не буду я с вами целоваться, – уже более спокойно повторила Лера. – От вас несет, как от пивной бочки. А если вы часто пьете, то я никогда не смогу с вами поцеловаться. И вообще...

– Что вообще?

– Если вы алкоголик, то я не желаю даже делать вид, будто у нас роман, потому что мне противно.

– Я не алкоголик, – поспешил заверить ее Рафаэль.

– Ага... Оно и видно... – усмехнулась Лера. – За один присест выдули три бутылки пива... А до театра, наверное, еще к чему-нибудь покрепче прикладывались... Не так ли?

– Так ведь это я просто для храбрости! Я же драться с вашим Андрюшей собирался... Кстати, вполне мог бы взять в буфете еще и водки, но не стал же!

– Так она дорогая в театральном-то буфете! С наценкой!

– Ну и что?! Мне для Лилечки никаких денег не жалко! Я, кстати, просто ненавижу ее, водку то есть. Вино еще куда ни шло... Я десертное люблю, чтобы некоторая сладость была... и терпкость... Ну и пиво, конечно, тоже... иногда позволяю себе...

– Все равно! Целоваться не буду... Сегодня уж точно не буду, – сказала Лера, особо выделив голосом слово «сегодня».

– Ну ладно, – согласился Рафаэль. – Я сейчас действительно не в лучшей форме, а потому предлагаю назначить испытания на завтра. Встреча в восемнадцать ноль-ноль вас устроит?

– Ну-у-у... Устроит...

– Отлично! Тогда... – Рафаэль порылся во внутреннем кармане куртки, достал ручку и какой-то то ли счет, то ли чек. Он быстро нацарапал на его обороте строчку цифр, протянул Лере и сказал: – Позвоните мне, пожалуйста, утром, часов в одиннадцать... чтобы Лиля не успела никуда уйти, хорошо?

Лера кивнула, не очень веря в успех предприятия, которое он задумал.

– Только не удивляйтесь, когда услышите в трубке всякую любовную белиберду, – сказал Рафаэль. – Я постараюсь говорить так, чтобы Лиля слышала, поэтому стану называть вас идиотскими прозвищами, вроде котика и рыбки. Договорились?

– Договорились, – вяло отозвалась Лера.

– Тогда жду вас завтра в восемнадцать ноль-ноль в садике у Катьки!

Рафаэль действительно называл ее котиком, рыбкой и лапусей. Лера кривилась в телефонную трубку, ответно называла его поросеночком, но свое обещание прийти к шести часам в Екатерининский садик подтвердила.

На это свидание она собиралась равнодушно. К черным джинсам надела серый свитер, завиваться и краситься не стала вообще, а вместо палантина водрузила на голову свой каракулевый «колониальный шлем». Черный мех, конечно, требовал хоть какой-нибудь подкраски губ, но Лера из принципа не стала себя украшать. Не для кого. Не для Рафаэля же! Она, видите ли, не в его вкусе... Можно подумать, что ее интересует его вкус. Жалкий мужлан!

Когда она спрыгнула с подножки троллейбуса, сквозь ограду садика сразу увидела Рафаэля. Он, ежась на сильном ветру, стоял возле памятника Екатерине II, который питерцы панибратски именовали Катькой.

«Что я делаю?! И зачем мне это нужно?!» – подумала Лера, но все же пошла навстречу своему новому знакомому. Лучше провести воскресный вечер в его компании, чем в одиночестве.

– А вы сегодня гораздо милее, – улыбаясь, сказал ей Рафаэль. – Все-таки красная помада здорово портит женщин. И, заметьте, старит!

– Много вы понимаете... – недовольно буркнула Лера, но подумала, что Лилечкин муж сегодня выглядит более привлекательным мужчиной, чем показался ей вчера. У него были

ясные светлые глаза с зелеными искорками и по-детски припухлые губы. Вчера она этого почему-то не заметила. Лера отвела глаза от лица чужого мужа и спросила: – Ну... и куда пойдём?

– Ясное дело куда! Поедем ко мне!

– Как это к вам? – испугалась Лера и даже остановилась посреди Невского.

– А так это! – сказал он с ее интонацией. – Я слышал, что Лиля сегодня собиралась на свидание с вашим Андрюшенькой к восьми, а потому мы как раз успеем.

– К чему успеем?

– Ну... мы придем к нам домой и будем будто бы демонстративно ждать, когда она уйдет.

– Как это... демонстративно? – еще больше испугалась Лера.

– Обыкновенно. Сядем рядом на диван, я вас, уж простите, обниму, и мы будем следить за ее сборами в четыре глаза. Уверен, это здорово ее раздражит. А уж если мы еще и поцелуемся...

– Знаете, Рафаэль, – прервала его Лера, – вашу Лилечку наш поцелуй, может быть, и раздражит, но мой-то Андрей его не увидит!

– Не можем же мы быть сразу в двух местах одновременно! – справедливо заметил он. – Сегодня наше представление будет для Лили, а потом мы что-нибудь подобное закатим и для вашего Андрея, будь он трижды неладен! Уж простите меня... В общем, поехали! – И он потянул ее за руку к остановке троллейбуса.

Лилечка действительно была еще дома и, видимо, как раз собиралась на свидание. На кружевную комбинацию у нее была надета еще не застегнутая юбка. Женщина появилась в дверях комнаты и так удивилась Лере, что даже не поспешила чего-нибудь накинуть себе на голые плечи.

– Проходи, котик, – сказал Лере Рафаэль и пропихнул ее в коридор впереди себя.

Лиля посмотрела на мужа с незнакомой спутницей с большим недоумением. Лера же с боязливым интересом вглядывалась в лицо женщины, на которую ее променял Андрей, и не находила в нем ничего, за что обладательницу одного стоило бы полюбить. Лилино лицо было миловидным, но не более. Чуть прикрытый легкими светлыми прядками лобик показался Лере узковат, а носогубные складки – слишком резкими. И что Андрей в ней нашел? И за что ее так сильно любит муж? Неужели за выразительные формы? Грудь, которая так и выпирает из кружев комбинации, конечно, хороша. Но кто сейчас, кроме Лилечки, носит подобные комбинации? Это же прошлый век! Если не позапрошлый...

– Знакомься, Лиля, – обратился к жене Рафаэль, – это моя Леруся. Мы с ней тут подождем, пока ты уйдешь.

– В смысле? – удивленно спросила Лиля.

– Ну... я подумал... чего нам на улице мерзнуть, если ты все равно уходишь... – подал новую реплику муж и помог Лере, которую слегка потряхивало от унижения, снять куртку. Затем он провел ее в комнату и усадил на диван. Лера замерла, напряженно прямя спину и устроив руки на коленях, будто воспитанница Смольного института благородных девиц, позирующая фотографу. Рафаэль сел рядом с ней, демонстративно положив руку ей на плечо и закинув ногу на ногу.

Лиля вошла в комнату, натягивая на ходу трикотажную кофточку, и, просунув руки в рукава, привалилась к косяку двери.

– Что-то я ничего не понимаю... – произнесла она, стараясь не задерживаться взглядом на лице Леры.

– По-моему, все предельно ясно, – ответил Рафаэль и посмотрел на настенные часы, стрелки которых показывали четверть восьмого. – Ты бы поторопилась, голубушка, а то вдруг он... твой возлюбленный... тебя не дождется! Что станешь делать?

– Тебя это не касается, – процедила сквозь зубы женщина и, продев наконец голову в горловину кофточки с глубоким вырезом, в котором красиво смотрелась ее пышная грудь, резко развернулась и вышла в коридор.

Лера слышала, как вжикнули «молнии» Лилиных сапог, потом звякнули ключи, потом проскрежетал замок и напоследок громко хлопнула входная дверь. Рафаэль тут же убрал руку с Лериного плеча и, отодвинувшись от нее на приличное расстояние и опершись локтями о колени, уронил голову в подставленные ковшиком ладони. Видимо, сцена, в которой он храбро демонстрировал независимость от жены, далась ему нелегко.

– Наверное, мы все это зря затеяли... – проговорила Лера, нервно покусывая собственный наманикюренный ноготь.

– Не знаю, – глухо отозвался Рафаэль. – Вчера я был, конечно, в легком подпитии, а потому, похоже, проявил излишнюю самоуверенность. Сегодня уже и сам засомневался в правильности затеянного мероприятия, но вы должны были прийти к Катьке, и я не мог оставить вас там мерзнуть...

– Надо же, как трогательно... спасибо... – пробурчала она, совершенно не уверенная в том, что его есть за что благодарить.

Лилин муж повернул к ней голову и сказал:

– Простите меня за то, что я спьяну впутал вас во все это. Вам и без того несладко, как, впрочем, и мне.

– Да ладно, – отмахнулась Лера. – Все-таки какое-то приключение. А без вас я сидела бы дома и лила бы слезы в подушку.

– Вы так любите своего Андрюшу?

– Так ведь и вы любите свою жену! – Лера встала с дивана, резко выдохнула и сказала: – Ну что ж... Я, пожалуй, пойду. По-моему, самое время...

Рафаэль не успел ей ответить, потому что в дверях опять заскрежетал ключ.

– Лиля вернулась... – испуганно пробормотал он. – Больше некому... А ну садитесь!

Испуганная Лера рухнула обратно на диван, Рафаэль спешно придвинулся, положил руку ей на плечо и даже прижался своими губами к ее, слегка приоткрытым от страха. Молодая женщина задохнулась от неожиданного поцелуя почти совсем незнакомого мужчины.

– Нет, это уже вообще ни на что не похоже! – заявила Лиля, которая встала перед ними в распахнутом сером пальто колокольчиком. Глядя на нее через плечо Рафаэля, Лера еще раз отметила, как красиво смотрятся атласные полукружья ее груди в вырезе кофточки. Лиля с шумом выдохнула и прокричала: – Здесь вам не бордель!

Женщина некрасиво грассировала, и Лера невольно сморщила нос. Неужели даже ее говор нравится Андрею?

Рафаэль будто бы нехотя оторвался от Леры, повернулся к жене и сказал:

– Не понимаю, при чем тут бордель? Я нахожусь в собственной квартире со своей любимой женщиной в тот самый момент, когда моя... бывшая... жена ушла на свидание к своему любимому мужчине. Разве это не так?

– Мы еще не развелись, а потому квартира не только твоя, но и моя, и я не позволю превращать ее в публичный дом! – проревела Лиля, и ее белокожее лицо приобрело оттенок сырого мяса. От все нарастающей злости она стала картавить еще сильнее, и Лере стало неловко на нее смотреть.

– Вот если бы я таскал сюда разных женщин, ты могла бы называть нашу квартиру борделем, – начал возражать ей Рафаэль, – но мне нужна только одна... Лерочка, а потому данную комнату справедливее называть пристанищем нашей с ней счастливой любви.

– С какой стати она должна быть вашим пристанищем? – продолжала возмущаться Лиля. – Я же никого не тащу в наш дом... пока он еще наш...

– Если хочешь, мы можем установить расписание: когда ты здесь со своим... а когда мы с Лерочкой... Я даже могу его красиво набрать на компьютере и распечатать в твоём любимом голубом цвете. Повесим вот тут и...

– Ещё чего! – взвизгнула Лиля, не дав мужу договорить. Лицо ее скривилось в такой отвратительной гримасе, что Лере стало жаль и ее, и Рафаэля, разыгрывающего перед женой безобразный фарс, и почему-то даже Андрея, который, скорее всего, не дожидется нынче свою возлюбленную на свидание. – Убирайтесь отсюда или...

– Или что? – поинтересовался Рафаэль.

– Или я сяду вот здесь... – Лилия протасила ножками по полу стул, который отодвинула от стола, и шваркнула прямо перед мужем с незнакомой женщиной. Усевшись на стул, она демонстративно скрестила руки поверх своего серого пальто и добавила: – Сяду и буду на вас смотреть! Не станете же вы прямо при мне...

Звук «р» злобно прокатился в глубинах кривившегося Лилиного рта, и все происходящее окончательно опротивело Лере.

– Мы, конечно, могли бы и при тебе... – Рафаэль, усмехнувшись, еще раз так сочно поцеловал Леру в губы, что она в изумлении часто-часто заморгала глазами, – но не станем этого делать. Если ты думаешь, что нам больше некуда податься, то здорово ошибаешься. Мы, конечно же, уйдем, а ты... А ты можешь позвать к себе своего... Андрея, кажется... Мы возражать не станем, правда, Лерочка?

Лерочка послушно кивнула, как хорошая девочка, которой говорят: «Ты ведь обязательно доешь свою манную кашку, правда?» – И они с Рафаэлем вышли в коридор, где молча и торопливо оделись.

– Простите меня еще раз, – сказал он, когда они уже съезжали вниз в лифте.

– Да-а-а... – протянула Лера. – Вы отлично справились и без тренировки.

– Какой еще тренировки? – удивился он.

– Ну как же! Вчера же говорили, что надо провести испытания на предмет того, не противно ли нам с вами будет целоваться, а сами начали действовать без всяких испытаний.

– Я же говорил, что вчера был немного пьян. Простите меня еще раз, простите... Сам не знаю, зачем все это устроил... Теперь придется врать дальше.

– Как именно вы собираетесь врать? – с усмешкой спросила Лера.

– Ну... придется проболтаться весь вечер по Питеру, а потом явиться домой в помаде и духах... Не бойтесь! – Рафаэль предупредил ее дальнейшие расспросы. – Я не приглашаю разделить со мной это путешествие. Сейчас я доставлю вас домой, уйду, и вы забудете меня как страшный сон.

Лера рассеянно кивнула, забираясь в троллейбус. Она думала о Лиле. Жена Рафаэля ей очень не понравилась. Интересно, она в самом деле так неприятна или ей, Лере, показалось от ревности? Наверное, показалось, ведь двое мужчин: Рафаэль и Андрей – что-то же в ней находят. Не хотелось бы думать, что одну лишь выдающуюся грудь...

До самого дома Леры, пересаживаясь с транспорта на транспорт, они ехали молча, каждый погруженный в свои нелегкие думы. Возле собственного подъезда, посмотрев на покрасневший от холода нос Рафаэля, Лера предложила:

– Давайте зайдем ко мне, перекусим, а потом я снабжу вас какой-нибудь помадой с духами, и вы поедете домой... или где-нибудь еще погуляете.

– Неудобно как-то... – пробормотал тот. – Я и так, по-моему, уже сильно злоупотребил вашим временем... и вообще... вниманием...

– Да ладно! У меня теперь времени навалом, – усмехнулась Лера, – а вот на ваш красный нос без душевной боли не взглянешь. Пошли! Хоть согреетесь, чайку выпьете... Или мы не друзья по несчастью?

Рафаэль вымученно улыбнулся, пожал плечами и нерешительно двинулся вслед за ней.

Дома Лера усадила неожиданного гостя перед телевизором, а сама отправилась на кухню готовить ужин. Она разогрела в микроволновке дежурные куриные окорочка и оставшуюся со вчерашнего дня вареную картошку, заварила чай с малиновыми листочками и пригласила Рафаэля к столу.

– Знаете, мне кажется, что вы свою Лилечку все-таки сегодня уели, – сказала Лера, разливая малиновый чай по новым пузатым чашкам с рыжими подсолнухами. Она специально купила две одинаковые, чтобы из них пить чай вместе с Андреем, а вот обновить их пришлось с чужим мужем...

– Думаю, никакой жене не понравилось бы, если бы она застучала своего мужа целующимся с другой женщиной, – ответил Рафаэль, размешивая в чашке сахар.

– Можно подумать, что они ходят с Андреем за ручку, как советские пионеры, и не целуются...

– И все равно тяжело... Мы прожили с ней вместе, между прочим, аж четырнадцать лет! Немало, верно?

– Пожалуй. А дети... дети у вас есть?

– Детей нет, – печально покачал головой Рафаэль.

Лера подумала, что ему будет неприятно, если она спросит, почему их нет, но он объяснил сам:

– Лиля не хотела.

– Почему? – все-таки не выдержала Лера.

– Она много чего по этому поводу говорила, но, думаю, дело в том, что у нее самой было очень тяжелое детство. Мамаша ее бросила на руки соседке совсем еще неразумной крохой, а сама куда-то исчезла. Соседка отдала Лилю в детский дом, ну а там... сами, наверное, знаете, каково там детям. Мне кажется, моя жена подсознательно боится произвести на свет ребенка, которому, возможно, тоже придется мучиться.

– Но разве вы мучили бы своего ребенка? Что-то не очень вы похожи на мучителя!

– Конечно, не мучил бы. Наоборот, любил бы... – Рафаэль тяжело вздохнул. – Но Лиля... она явно боится. Я решил не настаивать. Все думал, что она сама собой созреет, но... в общем, вы теперь знаете, что получилось из нашей с ней семейной жизни.

– А вы не пробовали... – начала Лера, но ее прервал звонок в дверь. В недоумении пожав плечами, она сказала: – Даже не представляю, кто бы это мог быть... Может, соседка? Она часто приходит за спичками. – И пошла открывать.

На пороге стоял Андрей Шаповалов. У Леры мелко-мелко задрожали губы, и она с трудом справилась, чтобы не разрыдаться прямо тут.

– Во-первых, я пришел отдать ключи, – сказал Андрей, взял в свою руку Лерину и вложил ей в ладонь связку из трех ключей. – Во-вторых, я оставил у тебя паспорт. Отдай, пожалуйста.

Он наконец посмотрел ей в глаза, и Лерино сердце сжалось от душевной боли. Его взгляд показался ей не слишком холодным и далеко не равнодушным. Может быть, оставленный паспорт – всего лишь предлог для встречи? Может, не стоит забирать у него ключи? До чего же нехстати она зазвала к себе Рафаэля... И кто ее тянул за язык? Мужчина ведь и идти-то не хотел, а она зачем-то настояла...

– Я... я не знаю, где твой паспорт... – промямлила она.

– Думаю, что в секретере, – ответил Андрей. – Оба наших паспорта, наверное, так и лежат там с тех пор, как мы вернулись из дома отдыха.

Лера жалко кивнула, прошла в комнату и открыла крышку секретера. Обе «краснокожие паспортницы», тесно прижавшись друг к другу, действительно лежали на самом виду. Лера взяла оба документа в руки, еще раз взгляделась в любимое лицо на фотографии, вернулась в коридор и протянула паспорт Андрею. До последнего момента она надеялась, что он скажет, что очень жалеет о разрыве, что Лилечка оказалась вовсе не так хороша, как он предполагал,

но Андрей не сказал ей ничего подобного. Он почему-то прятал от нее глаза и делал много суетливо-лишних движений. Засовывая документ во внутренний карман куртки, Шаповалов бросил рассеянный взгляд на кухню. Рафаэль вынужден был слегка привстать и вежливо кивнуть ему головой. Андрей, окончательно утратив координацию движений, положил паспорт мимо кармана.

– Это еще кто? – спросил он нагнувшуюся за паспортом Леру.

– Ну... мой друг... – Протягивая ему темно-красную книжечку, она попыталась произнести слова так, чтобы Андрей сразу понял, что на кухне сидит НИКТО, что ей до этого человека нет никакого дела, что она продолжает любить только лишь его одного, милого Андрея, но губы почему-то сами собой сложились для других фраз: – Недавно познакомились... Он очень хороший человек!

– Ага... ясно... хороший человек... – повторил за ней Андрей, покачиваясь с пяток на носки и обратно. – Значит, стоило мне только за порог, как у тебя сразу нашелся другой «очень хороший человек»!

– А ты что, хотел бы, чтобы я ревела белугой в одиночестве и рвала на себе волосы? – рассердилась вдруг Лера.

– Нет... конечно же, нет... не стоит передергивать, но посторонний мужчина на моем еще не остывшем месте меня все-таки удивляет... Я, признаться, не думал, что ты такая...

– Какая?! – уже истерично вскрикнула Лера.

– Такая! Неразборчивая, вот такая! – раздраженно отозвался Андрей и послал испепеляющий взгляд в сторону «постороннего мужчины».

– Простите, но... на что вы намекаете? – с угрозой в голосе спросил Рафаэль, поднимаясь из-за стола.

– Хотя вас вообще ни о чем не спрашивают, я все-таки отвечу: я ни на что не намекаю, а открытым текстом называю Валерию неразборчивой и излишне доверчивой. Нельзя так неосмотрительно бросаться на шею первому же попавшемуся под руку мужчине!

– Это я-то первый попавшийся? – возмутился Рафаэль, который уже успел выйти в коридор и плотно угнездить свою руку на плечах Леры.

– Он не первый попавшийся! – выкрикнула она и ответно обняла Рафаэля за талию. Ей уже не хотелось говорить Андрею о своей любви к нему. Он должен знать, что она сумеет прожить и без него, а в людях она в отличие от него, который повелся на вульгарную, узколобую и картавую Лилечку, отлично разбирается. – Я... я вообще... между прочим... выхожу за него замуж... в ближайшее время, вот!

– Замуж? А этого он не хочет?! – взревел Андрей и, сделав молниеносный выпад, неожиданно ударил противника в челюсть.

Тот громко клацнул зубами, но на ногах удержался.

– Ах ты, значит, та-а-ак... – зарычал Рафаэль, и двое мужчин сцепились в нешуточной схватке.

– Немедленно перестаньте! Что вы делаете? Идио-о-оты! Зачем?! – кричала Лера, напрасно пытаясь втиснуться между соперниками и тем самым разнять.

По всему было видно, что мужчины дерутся со вкусом и удовольствием. За что бился Андрей, Лера не очень понимала, но Рафаэль наверняка был рад намять бока любовнику собственной жены.

– Прекратите! – душераздирающе закричала Лера и с размаху все-таки вклинилась между мужчинами. Чей-то кулак тут же разбил ей нос. На губы потекла струйка горячей крови, вид которой сразу отрезвил дерущихся.

– Лерка! Сумасшедшая! – крикнул Андрей и отпихнул от себя противника. – Мы же могли тебе вообще нос сломать!

– Да-а-а... простите... то есть... ты прости... – забормотал Рафаэль, чувствительно ударившись спиной о стену. – Надо... что-то холодное на переносицу... Может быть... что-нибудь из холодильника?

– Без тебя соображу, – рявкнул Андрей, перейдя на «ты», и бросился на кухню.

Когда он вернулся с мокрым полотенцем, Рафаэль уже обеими руками поддерживал Леру, обмякшую на них с запрокинутой головой и резко побледневшим лицом.

– Лера! Немедленно опусти подбородок вниз! – распорядился Андрей. – Зачем ты его слушаешь? Вовсе не надо запрокидывать голову! Так можно захлебнуться кровью!

– Не учи нас жить! – зло откликнулся муж его любовницы, который решил, что они действительно уже так коротко знакомы, что вполне можно и на «ты». – Лучше быстрее прикладывай полотенце к ее переносице!

Когда алый поток из Лериного носа был остановлен, Рафаэль взял женщину на руки и понес в комнату.

– Нет! Я все-таки не понимаю, Лера! На каком основании он тут распоряжается?! – выкрикнул Андрей, бросившись вслед за ними.

Лера, которую Рафаэль уютно устроил среди ее же собственных подушек, еле слышно прогундосила:

– Он распоряжается тут на том основании, что я собираюсь за него замуж, а потому, Андрей, тебе все-таки лучше уйти. Паспорт – на столике в прихожей.

– Ага! Я, значит, уйду, а он, значит, останется?

– А тебе-то что? – возмутилась Лера, мотнула головой, и из ее носа опять выползла тонкая струйка крови. – У тебя, кажется, должно быть свидание с твоей новой дамой сердца!

– Лера! Не стоит так волноваться из-за его свидания! – крикнул Рафаэль и опять протянул ей полотенце.

– Во-первых, сегодняшнее свидание... В общем, оно отменено, – отчитался Андрей. – А во-вторых, я не могу оставить тебя на чужого человека...

Лера бросила на пол грязное полотенце и таким резким голосом сказала: «Уйди лучше, Андрей...» – что он не смог не повиноваться.

– Ну... ладно... – забубнил он. – Звони, если что... Телефон ты знаешь... На мобильник тоже можно позвонить... Он включен...

– Я не позвоню.

– Да? В сущности, оно и понятно... Ну что ж... Пошел я, значит...

Андрей запахнул куртку и бочком вышел за дверь комнаты. После хлопка входной двери Лера заплакала, размазывая по щекам слезы, смешавшиеся с кровью.

– Не плачьте... – предложил ей Рафаэль. – Видно же, что снаряд попал в цель.

– Какой еще снаряд? – прорыдала она.

– Дальнобойный... Вашему Андрею очень не понравилось мое здесь присутствие. И это еще мягко сказано – не понравилось... Да он просто впал в бешенство!

Лера, шмыгнув напоследок носом, утерлась обеими ладонями, с неприязнью оглядела кровавые разводы на них и сказала:

– Ваша Лилечка, по-моему, тоже не в восторге от моего появления перед ее розовеньким личиком...

– Да-а-а... – протянул Рафаэль и потер пальцами виски. – Но вся беда в том, что я почему-то не чувствую себя победителем. Как-то все... мерзко получилось... гадко...

– Согласна, – ответила Лера и предложила: – Снимите-ка лучше джемпер.

– Зачем? – испугался Рафаэль.

– Он весь в крови. Надо застирать.

– Да ну... пустяки, – отмахнулся он. – Жизнь дала трещину, и на этом фоне джемпер меня совершенно не волнует... – Он посмотрел на Лерин нос и спросил: – Вы-то как? В порядке?

– В порядке, – кивнула она.

– Ну... тогда я, пожалуй, пойду?

– Конечно, идите. Извините, что все так нескладно получилось.

– Не вам передо мной извиняться, – усмехнулся Рафаэль. – Это же я балаган устроил.

Лера согласно кивнула головой, и ее гость, некрасиво сгорбившись, пошел одеваться в коридор.

– Рафаэль, вы можете сейчас говорить? – спросила Лера, набрав номер, который был записан на затертом по сгибам чеке обувного магазина.

– Могу, – ответил он. – Это вы, Лера?

– Я.

– Как ваш нос? Не болит?

– Нормально. Не болит. Я не из-за носа звоню... Понимаете, я посмотрела фильм «Пусть говорят»...

– Да ну? – рассмеялся Рафаэль. – Где же вы его достали? Мне кажется, моя мамуля готова душу заложить за него! Шучу, конечно...

– Скачала через Интернет.

– Ну и как?

– Хороший фильм. Красивая мелодрама о любви. В главной роли испанский певец Рафаэль Мартос Санчес. Я раньше никогда не слышала его песен.

– Понравились?

– Скорее да, чем нет. Только... – замялась Лера.

– Что? Наверное, я не слишком похож на этого Санчеса, – догадался Рафаэль.

– Пожалуй, да. Он очень миловидный молодой человек...

– А я, значит, немиловидный? – Рафаэль расхохотался во весь голос.

– Зря смеетесь, – смутилась Лера. – У вас очень мужественная внешность, что, по-моему, вовсе не плохо... Но я не об этом хотела сказать...

– А о чем?

– О том, что кинематографического Рафаэля не смогла полюбить девушка Бланка, в которую он влюбился. Бланка любила другого.

– И что?

– Я подумала, что, может быть, ваша мама, назвав вас в честь героя этого фильма, как бы задала некую программу...

– То есть...

– Ну... то есть... ваша Лилечка...

– Вы хотите сказать, что Лиля переметнулась к вашему Андрею, потому что меня зовут Рафаэлем?

– Да... Я почему-то так подумала... – пролепетала Лера, которая уже десять раз пожалела, что позвонила. И чего, в самом деле, потянуло говорить глупости?

– Ерунда! Я же говорил, что мы прожили с ней вместе целых четырнадцать лет. Мне всегда казалось, что она вышла за меня по любви. И если бы не ваш Андрей, который случайно ей где-то встретился... Кстати, вы не знаете, где они познакомились?

– Не знаю.

– Вот и я не знаю. А что, ваш Андрей после... ну... нашей драки и вашего разбитого носа... не звонил?

– Звонил несколько раз. Именно про нос и спрашивал.

– А вы?

– А что я... – усмехнулась Лера. – Если нос в норме, так что же я еще могла сказать?

– Ну... могли бы как раз прикинуться сильно больной, – смущенно произнес Рафаэль. – Может быть, он пришел бы вас... полечить, а там... глядишь, и все наладилось бы. Я тоже, как вы догадываетесь, оказался бы в выигрыше.

– Он предлагал что-то в таком роде...

– А вы?

– А я пока держусь гордо и независимо.

– Ну... вообще-то... это правильно. Сами же видели, как независимость здорово действует.

– Да, пожалуй... – не могла не согласиться Лера. – А как ваша Лиля?

– Никак, – огорченно ответил мужчина. – С тех пор не разговаривает со мной. Где-то болтается вечерами. Кошмар, в общем...

– Я же говорю, что вам надо сломать программу, заданную мамой... – опять начала Лера.

– И как вы это представляете? – спросил Рафаэль, и она по голосу догадалась, что он уже улыбается.

– Вот вы напрасно смеетесь! Отнеситесь к моим словам серьезно! Вы должны сделать нечто нетрадиционное, то, чего Лиля никак от вас не может ожидать.

– Она и так совершенно сошла с катушек от вашего появления у нас дома, но меня обратно все равно не полюбила.

– Может быть, ей нужно время? – предположила Лера.

– Все может быть... – с легким смешком отозвался Рафаэль.

Целую неделю после этого разговора Лера о своем новом знакомом не вспоминала даже в качестве конечного звена цепочки: Андрей – Лиля – Рафаэль. Она продолжала постоянно думать об одном лишь Андрее и о том, не переборщила ли, случаем, с независимостью. И зачем было врать, если она целиком и полностью зависит исключительно от него? Лера решила, что, как только Андрей еще раз позвонит, чтобы справиться о ее носе, она уже не станет валять дурака, а в лоб заявит, что не может без него жить. Но Андрей почему-то больше не звонил. Зато часов в десять вечера к ней домой натуральным незванным татаринном явился... Рафаэль.

– Одним словом, я... решил сломать... программу, – заявил он, стоя на пороге Лериной квартиры и нервно потирая подбородок.

– То есть... вы... пришли мне об этом сказать? – удивилась Лера.

– Нет... то есть да... То есть... я прошу у вас политического убежища на одну... ночь. Всего на одну.

– На ночь?!

Рафаэль смущенно пожал плечами и сказал:

– Это не то, что вы подумали.

– А что я подумала? – спросила Лера, в мозгу которой еще четко не сформулировалось ни одной думы.

– Ну-у-у... вы, может быть, подумали, что я решил воспользоваться вашим... временно свободным положением... и... Но я не решил! Я просто не могу больше находиться с Лилей в одной квартире. Это оказалось выше моих сил. Понимаете, у меня, конечно, есть друзья, товарищи по работе, но... они все семейные люди... у них дети, тещи, собаки... словом, свои заботы и проблемы. А вы... – Рафаэль, выдохшись, напряженно замолчал.

– Что – я?

– Вы... вы мой друг по несчастью, а потому непременно должны понять... Я так подумал...

– У меня тут не гостиница, – сердито буркнула Лера и встала в дверях, чтобы чужой брошенный муж не смог проскользнуть.

– Я же не навсегда...

– А на сколько?

– Я же сказал: только на одну ночь!

– А потом?

– Понимаете, Лера, завтра у меня зарплата, и я смогу снять номер в какой-нибудь гостинице... очень средней руки, конечно...

– А что, до завтра никак с Лилей не перетерпеть?

– Никак. – Рафаэль произнес это слово с такой горечью и такой тоской во взгляде, что Лера невольно посторонилась, чтобы дать ему пройти в квартиру.

– Нет, вы не подумайте, что у меня совсем совести нет... – опять начал он.

– Я не думаю, – вздохнула Лера и втащила его в коридор.

Рафаэль привалился к стене, побледнев лицом.

– Что? Так плохо? – сочувственно спросила она.

– Да уж... хорошего мало... – согласился он.

– Раздевайтесь. Я вас сейчас покормлю. Мужчины почему-то в любых ситуациях всегда хотят есть. Не так ли?

– Вы правы, – смущенно кивнул Рафаэль и даже улыбнулся уголками губ.

Умывшись и несколько порозовев после этого, чужой муж жадно накинута на полуфабрикаты, которые в последнее время только и покупала Лера. Поскольку любимого мужчины рядом не было, качественно готовить для себя одной ей не хотелось. Рафаэль умял три котлеты из индейки, глубокую тарелку пюре моментального приготовления, выпил два бокала чая с парочкой бутербродов с сыром.

– Простите... – сказал он на третьем бутерброде, на котором и сломался. – Честно говоря, я последний раз ел вчера вечером... в кафе... да и то в таком дрянном, что ужас... Болтался, знаете ли, по городу... домой идти не хотелось... А сегодня... В общем, вам это неинтересно...

– Ну почему же... – вежливо отозвалась Лера, которая, если честно, отчитавшись за фильм «Пусть говорят», и в самом деле больше не испытывала к Рафаэлю никакого интереса.

Время неумолимо приближалось к полуночи. Лера, нахохлившись, сидела на табуретке перед своим гостем и не знала, что делать дальше. Кухня в ее квартире была такой маленькой, что на полу Рафаэль мог устроиться, только изогнувшись зигзагом. Неужели же им придется спать в одной комнате? Как-то это... не того...

– Вы, Лера, похоже, на мой счет все-таки сомневаетесь... – опять начал объясняться Рафаэль, нервно передернув плечами. – А зря. Я же вам говорил, что вы... ну не в моем вкусе... Конечно, женщине неприятно такое слышать, но, возможно, это вас как-то успокоит. Да и вообще, вы можете бросить мне какое-нибудь старое покрывало... в коридоре...

– Интересно, и как вы пойдете утром на работу после лежки в коридоре на покрывале? – усмехнулась Лера. – Я постелю вам в комнате. У меня есть надувной матрас. В нем, правда, одна секция постоянно сдувается, но вместо нее можно подложить подушку от дивана...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.